

АНДРЕА КАТАЛАНО

БОСТОНСКАЯ ВЕДЬМА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К29

Andrea Catalano
THE FIRST WITCH OF BOSTON
Copyright © Andrea Catalano, 2025
All rights reserved

Печатается с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*.
Издательство выражает благодарность литературному агентству
Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Екатерины Згурской
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова

Каталано А.

К29 Бостонская ведьма : роман / Андреа Каталано ; пер. с англ.
Е. Згурской. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. —
400 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-30671-4

Захватывающий роман, основанный на реальной истории Маргарет Джонс — первой женщины, осужденной за колдовство в XVII веке в Новом Свете.

Колония Массачусетского залива, 1646 год. Томас и Маргарет Джонс прибыли из Англии, чтобы построить новую жизнь в Новом Свете. Несмотря на разницу в темпераменте — осторожный Томас привык гасить порывы пылкой Мэгги, травницы и опытной повитухи, — их соединяет истинная любовь. Мэгги ждет ребенка, и, кажется, жизнь сулит им одни лишь благословения.

Однако в суровом пуританском сообществе Нового Света людям не по душе острый язык и прямолинейность Мэгги. Ее готовность помочь всех радует, но поразительная, почти сверхъестественная чувствительность и глубокие знания в медицине вызывают подозрение. Богобоязненные и весьма лицемерные жители Бостона начинают видеть в ней коварную колдунью, а не добрую целительницу. И на голову Маргарет обрушивается ад...

Роман, созданный на основе реальных дневников и судебных протоколов, — это одновременно захватывающая история несправедливо обвиненной ведуньи и история любви на фоне политических и социальных потрясений как Старой, так и Новой Англии, блестящее воплощение истории.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-30671-4

© Е. О. Згурская, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

*Посвящается Роберту,
моей неизменной любви и лучшему другу.
Как писала Энн Брэдстрит,
«любовь твоя ценней, чем золото всего мира»¹*

¹ Строчка из поэмы «Моему дорогому и любящему мужу» Энн Брэдстрит (1612–1672), одной из первых американских поэтесс, оказавшей немалое влияние на развитие американской литературы еще во времена колоний. Родилась в Нортгемптоне (Великобритания), жила, творила и умерла Норт-Андовере (штат Массачусетс, США). (Здесь и далее прим. пер.)

ПРОЛОГ

Чарльзтаун, колония Массачусетского залива

28 июня 1648

Единственное, о чем думал Томас Джонс, стоя на причале, — что Массачусетс наконец-то останется позади.

Утерев со лба испарину тыльной стороной ладони, он взглянул на свои немудреные пожитки — два дорожных сундука и корзинку, из которой настороженно топорщила уши черепаховая кошка. Кошка взглянула в ответ крайне презрительно.

— Ну, ну, Молли, не делай такое лицо, — Томас наклонился и взъерошил густой разноцветный мех. — Нам не помешает на борту хорошая мышеловка.

Затем он выпрямился и обнаружил прямо перед собой раскрасневшееся и потное лицо капитана корабля «Долгожданный», пришвартованного у дальнего края причала.

Глаза капитана слегка расширились от удивления — сейчас, когда Томас выпрямился в полный рост, оказалось, что он и выше, и шире в плечах.

Мистер Джонс приветственно кивнул, касаясь края шляпы:

— Она и впрямь славно ловит мышей, не сомневайтесь!

Капитан взглянул на кошку и улыбнулся:

— Ничуть не сомневаюсь — у нее на морде все написано! Капитан Дэйвис, — протянул он руку.

— Томас Джонс, сэр, — мистер Джонс ответил на рукопожатие и на мгновение замер, чувствуя, как по спине пол-

зет холодок. А что, если капитан уже слышал о нем? Страх накатил не сразу — прошло целое мгновение с тех пор, как имя соскользнуло с губ, как это бывает, когда залпом опрокинешь чарку рома, а блаженный жар в теле разливается спустя один вдох. Точно так же Томас чувствовал себя, когда кто-нибудь упоминал при нем его жену и ее образ всплывал в памяти, — и ровно в тот миг, когда женщина, владевшая его рукой и сердцем, вставала перед мысленным взором, живая, реальная, ждущая его дома, Томас вспоминал, что ее больше нет, и внутри разливался жгучий холод.

Но холод страха схлынул так же, как и накатил, и Томас ощутил себя так, словно падает с огромной высоты, и единственным, что позволило ему удержаться на ногах, была тяжелая, неизбывная печаль — она будто разливалась под ногами, замедляя каждый шаг, как болотная тина.

— И куда же вы направляетесь? — поинтересовался капитан. — В Новый Амстердам или в Виргинию?

— Ни туда, ни туда, — Томас прокашлялся и поднял глаза на снасти «Долгожданного», щурясь от яркого солнца. — Конечная цель моего пути — Барбадос, сэр.

— О, вот как? А вы там бывали раньше?

Томас покачал головой.

— В это время года там жара, как в адовом котле, я вам скажу, — капитан Дэйвис усмехнулся, довольный собственной шуткой. — Зачем вам туда? Дела какие-то?

Томас пригладил усы двумя пальцами, подыскивая подходящие слова. Капитан Дэйвис не был бостонцем, да и ответить на его вопрос было не так уж просто.

— Можно и так сказать, сэр. Скорее — чтобы начать все заново.

— Повидал я на своем веку мужчин, говоривших такие слова, и всякий раз эти слова подразумевали — «убраться подальше от некоей женщины», — капитан поддернул просоленные лацканы сюртука и понимающе кивнул.

Томас не нашелся, что ответить, и посмотрел на кошку, словно та могла подсказать какой-нибудь подходящий и достаточно хлесткий ответ. Та взглянула на хозяина желтовато-зелеными глазами, словно говоря: «Ты что, и впрямь думаешь, что я каким-то образом могу это все разрулить?..»

— Ладно, вытрясать из вас секреты силой я не буду. Пусть Смитти позаботится о ваших сундуках, а вы поднимайтесь на борт. Маршрут согласуем ближе к полудню.

Томас направился вверх по трапу, оставляя за спиной кусок суши, последние два года служивший ему домом. Какой теперь мог быть «дом», когда он потерял *свой* дом, свое сердце, свое пристанище? Теперь ему нигде не будет прибежища, и осознание этого факта давило на плечи мертвым грузом. И Томас уже порядочно устал таскать его на себе.

Но в последний момент он все-таки оглянулся — лишь для того, чтобы в очередной раз проклясть это место.

— Вон, там, это муж Маргарет Джонс!

Томас уже стоял на палубе, глядя на восток, где простиралась серая гладь Атлантического океана, когда за спиной послышались шепотки. Он уже начал свыкаться с этим шелестом голосов — они преследовали его уже не первую неделю и напоминали царапанье крысиных коготков по дверям и стенам, нервируя своей назойливостью.

— Это Томас Джонс, точно, он!

Томас обернулся на голос — тот принадлежал женщине в белоснежном чепце, одной рукой крепко державшей за руку сынишку, второй уцепившись за локоть какого-то мужчины, скорее всего мужа. Встретившись с Томасом взглядом, женщина охнула и тут же велела своим спутникам отвернуться.

Ханжи безмозглые... Бостон буквально кишел подобными людьми.

В этот момент корабль неожиданно начал заваливаться на правый бок. Деревянная обшивка заскрежетала так громко, что этот скрежет походил на рев разъяренного зверя, но его

почти сразу же заглушили крики и визг перепуганных пассажиров. Томас поспешно ухватился за ближайшие снасти, кое-как удержавшись на ногах. Корабль продолжал крениться, и Томас беспомощно наблюдал, как другие люди, не успевшие отыскать опору, соскальзывают и катятся, как яблоки из опрокинутого бушеля¹. Отцы и матери судорожно пытались поймать маленьких детей, валясь к правому борту. Воздух наполнился испуганными детскими криками, пронзительным ревом младенцев. Томас протянул руку и схватил пожилого мужчину — тот выронил трость и, громко призывая на помощь Бога, едва не полетел за ней следом. Томас неловко стиснул худое, костлявое запястье старика, впившись ногтями в рукав его поношенного шерстяного сюртука.

— Держитесь, держитесь! — рычал Томас, стиснув зубы, изо всех сил пытаясь подтянуть старика поближе к снастям, чтобы тот смог ухватиться за них сам, но тот дергался, охваченный паникой. И прежде чем пальцы Томаса все-таки разжались, старик повернулся, и его помутневшие от прожитых лет глаза распахнулись шире.

— Джонс! — воскликнул он и тут же закричал от ужаса. Томас не знал, что так напугало старика — перспектива свалиться в воду или осознание того, чья рука уберегла его от этого, — но тот вырвался и укатился следом за остальными к правому борту.

Опытные моряки, устоявшие на ногах, отчаянно ругались, подгоняя остальных матросов перебраться на левый борт, чтобы выровнять вес шаткого судна. Томас подтянулся, понадежнее ухватываясь за снасти, и растерянно оглянулся — с чего вдруг «Долгожданный» так резко накренился, еще не успев выйти в море, да еще в такой тихий и ясный денек?

¹ Тара для хранения и транспортировки яблок (плетеная корзинка или круглый ящик с ручками) с определенными габаритами; используется в качестве единицы объема в английской системе мер, в частности для сыпучих товаров.

— Ведьмин муж!

У Томаса по спине побежали мурашки. Он обернулся посмотреть, из чьего рта вырвались эти грязные слова, и наткнулся на злобные взгляды — мужчин и женщин, юнцов и стариков...

— Муж Маргарет Джонс! Пособницы дьявола! Той ведьмы, что две недели назад отправилась на виселицу! — продолжал надрываться кто-то, и со всех сторон слышались воззвания к Богу и испуганные молитвы.

— Гоните его с корабля! Он, должно быть, тоже служит Сатане!

— Гоните его, гоните! Пусть он отправится за борт, иначе и нам не уберечься от зла!

За что Бог послал ему еще и это, подумалось Томасу. Разве он недостаточно вытерпел? И без того хватало ночей, когда он просыпался в ледяном поту — и, взглянув в окружающую тьму, вспоминал, что реальный мир еще страшнее тех кошмаров, что терзали его во сне. Теперь ему начинало казаться, будто он и вовсе никогда не вырвется из того чудовищного сна, в который обратилась его жизнь.

Матросы меж тем сновали по кораблю, подгоняемые злыми командами квартирмейстера, но кое-кто, заслышав крики и заметив, как пассажиры тычут пальцами в Томаса, останавливался, приглядываясь.

— Что стряслось? — спросил молоденький моряк с коротко стриженными кудряшками у такой же молоденькой девчонки, укрывавшейся возле двери в каюту капитана.

— Это он! — прошипела девчонка, указав пальцем на Томаса. — Муж дьявольской колдуньи, которую повесили!

Томас сам не знал, чего ему больше хочется: перебраться на левый борт и прыгнуть с корабля или добраться до этой девчонки, сдавить ее горло своими крепкими руками плотника и душить, душить, душить, пока она не посинеет, а глаза не нальются кровью. Но от этой мысли у него перехватило

дыхание — он вспомнил, как в последний раз держал на руках бездыханное тело жены и ее кожа была синей, шея почернела, а глаза, испуганные, выпученные, были налиты кровью...

— Спи спокойно, милая, — прошептал тогда Томас, опуская ей веки. — Спи...

Боль от этих воспоминаний нахлынула с новой силой, и Томас поморщился и покачал головой.

— Глядите-ка, он все отрицает! — заявила девица.

Томас поднял голову и взглянул ей прямо в глаза.

— Я ничего не отрицаю. — Возмущенные шепотки и бесконечные ложные обвинения преследовали его, как вонь, не рассеиваясь ни на минуту и не давая вздохнуть полной грудью. Но сердце, что билось в этой груди, Томас слышал сквозь все оскорбления. — Я — тот самый ведьмин муж.

— Томас Джонс, — к тому месту, где он стоял, подобрался капитан Дэйвис в сопровождении двух констеблей, державшихся за все, что попадалось под руку. — Вам придется уйти, — заявил капитан хмуро и покачал головой. — Корабль сам не выровняется. У нас трюмы битком набиты — восемьдесят лошадей и сто двадцать тонн балласта, распределенного со всем тщанием. Мы не можем понять, в чем дело. Но некоторые пассажиры утверждают, что вы — муж ведьмы и что это ваше черное колдовство всему причиной, — капитан дотянулся до тех снастей, за которые держался Томас, и, оказавшись ближе, беспокойно огляделся по сторонам и понизил голос: — Я сам не верю в подобную чушь, но если это не ваших рук дело, то кто же в этом повинен? — Он обеспокоенно обвел взглядом накренившийся корабль. — То, что происходит, неестественно. Так что вам придется сойти, Джонс. Я не могу лишиться корабля, моего единственного средства существования. Вы должны сойти.

— Я прекрасно все понимаю, капитан Дэйвис, — смиренно ответил тот.

— Вам приказывается покинуть этот корабль, — заявил один из констеблей, сжимая в руке нечто, что, судя по всему, было указом Бостонского суда. Томас с сожалением понял, что уже начал привыкать к подобной формальности.

— Я никоим образом не возражаю, но мне нужно забрать с нижней палубы свою кошку. И я был бы рад, если бы кто-нибудь помог мне отнести на причал дорожные сундуки.

— Да, их отнесут, а вы пока ступайте своей дорогой, Джонс, — ответил капитан и поковылял прочь, на ходу отдавая приказ дежурным матросам заняться вещами Томаса.

Толпа пассажиров между тем собралась у левого борта в попытке выровнять судно. Заметив Томаса, некоторые из них забормотали молитвы, а иные разинули рты и выпучили глаза так, будто перед ними стоял сам дьявол. Какая же несусветная чушь, подумалось мистеру Джонсу, — будто он и впрямь мог одним своим присутствием накренить корабль! Безумие — то самое безумие, что лишило его жены. И теперь он не знал, плакать или ругаться, и отчего-то из горла сам собой полился хохот — едкий, горький, злой, как рвотная желчь.

— Все, чего я хочу, — убраться подальше от этого места! — воскликнул он и сам удивился, как громко прозвучал его голос.

Констебли подтолкнули его к трапу. Спустившись на пирс, Томас поставил на землю корзинку с Молли и обернулся.

— Ну вот, видите? — спросил он, обводя рукой корабль. — Судно не выровнялось само, а?

Спустя минутку на пирс спустились четверо матросов, таща дорожные сундуки Джонса. Опустив их на землю, матросы вернули ему плату за билет и уже собирались подняться обратно на борт, но у самого трапа остановились, изумленно глядя на «Долгожданного».

Корабль неожиданно начал крениться на другой бок. Послышались испуганные возгласы, а затем воззвания к Богу сменились радостными криками облегчения. Пассажиры наконец-то смогли уверенно встать на ноги, те, кто упал, под-

нимались и, разинув рты от изумления, наблюдали, как судно, оглушительно скрежеща, поднимая высокие волны, чудесным образом выправляется само.

Моряки медленно оглянулись на те два сундука, что только что собственноручно отнесли на пирс. Один из мужчин ошеломленно уставился на Томаса и кое-как пробормотал:

— Что... что у вас в этих сундуках?..

* * *

— Иди ко мне, моя драгоценная, — Элис Стрэттон наклонилась, вытаскивая Молли из корзинки, и, прижав кошку к груди, несколько раз чмокнула между ушей. — Я уж думала, что больше никогда тебя не увижу.

Затем миссис Стрэттон уселась за стол рядом с мужем и поинтересовалась:

— Ну, Томас, что за напасть стряслась на этот раз?

Так как свой дом мистер Джонс продал днем ранее, идти ему было некуда, и единственными, кто согласился дать ему приют, стали Стрэттоны — его лучшие друзья.

Увидев Томаса на пороге, они были немало удивлены, однако без лишних слов впустили его в дом.

— Напасть... Самое подходящее словечко, — мистер Джонс улыбнулся Элис, ближайшей подруге его жены, но если улыбка и смогла растянуть его губы, то до глаз уже не добралась. Наоборот, из них навернулись слезы — и потекли по щекам прежде, чем Томас успел их остановить. Он никогда не был плаксой, скорее вовсе избегал демонстрировать эмоции. Все чувства он предпочитал держать в себе — там, где получалось разглядеть их получше, понять, что вызывает ту или иную боль. Но в последнее время он сам себе напоминал переполненную чашу.

Элис поспешно ссадила Молли на лавку рядом с собой и потянулась к Томасу через грубо сколоченный стол, отполированный до блеска тысячами часов готовки, взяла его за руки и крепко сжала:

— Ну, ну, дружище, расскажи нам — что случилось на причале?

— Я... не смогу это толком объяснить, — Томас высвободил пальцы и уставился на собственные ладони, покрытые мозолями — те напоминали горы над равнинами, торчащие то там, то здесь. Следы тяжелого труда, источник удовольствия для жены... Запнувшись об эту мысль, Томас крепко переплел пальцы между собой и продолжил: — Как-то так вышло, что корабль начал крениться на правый бок и никак не мог выровняться.

— Это как? — спросил Сэмюэл. — Когда я провожал тебя на причал, судно выглядело надежным и устойчивым.

— Да-да, именно так, — Томас кивнул.

Густые рыжие брови Сэмюэла сошлись вместе, словно он силился разгадать сложную загадку.

— Так вот, он накренился и никак не выравнивался до тех пор, пока меня не согнали обратно на сушу вместе с пожитками.

Повисла тишина — было слышно лишь, как Молли лакает пахту из миски, стоявшей на полу.

— Да брось, быть такого не может, — Сэмюэл откинулся поудобнее и почесал бороду. Элис тут же гневно обернулась:

— Это ты брось, муженек! Зачем бы ему это все выдумывать? — затем она вздохнула и, встав из-за стола, подошла к очагу. Заглянув в чайник, она встряхнула заварку и, выпрямившись, уперлась руками в поясницу, разгибая позвоночник. Несколько мгновений Элис стояла, глядя на огонь — оранжевые блики плясали по ее платью и переднику. Миссис Стрэттон была женщиной прехорошенькой, но очень уж маленькой и худенькой. Однако Томас знал, что в этом хрупком теле прячется невероятная сила духа.

— А что у тебя лежит в сундуках, Томас? — спросила Элис, не отрывая взгляда от огня — будто отыскивая ответ в перегибах пламени. — Там наверняка должно быть нечто, что ты

по-прежнему держишь при себе и с чем тебе стоило бы расстаться.

Томас и сам знал, что это за вещь. Она лежала на дне одного из дорожных сундуков, как затонувшее сокровище, покоящееся на морском дне, как тайное письмо, спрятанное от чужих рук и глаз: свадебное платье его супруги.

Элис обернулась — и по дрожащим губам стало заметно, как она изо всех сил сдерживает слезы.

— Ты должен заставить себя это сделать.

* * *

Стрэттоны ушли в спальню — комнатку с противоположной стороны от камина, — и Томас остался один. Молчаливую темноту разгоняла лишь одинокая свеча на боковом столике, и Томас, допив свою порцию эля, принялся разглядывать оловянную кружку. Это была работа мастера — подарок, преподнесенный Стрэттонам на свадьбу еще в Англии. Всего кружек было две, и Элис всегда ставила их перед Томасом и его женой, когда те заглядывали на обед.

— Давайте-ка сделаем вид, что вы только что поженились, — говорила она всякий раз, ставя на стол любимые кружки, а жена Томаса смеялась — грудным, мелодичным смехом, ласкавшим его ухо более всякого звука на свете.

А потом Томасу вспомнилось, как в самый первый раз, когда Элис любезно предоставила им эти кружки, он ответил: «А мне и притворяться не надо — для меня она всегда будет новобрачной».

Мэгги тогда пододвинулась к нему поближе, запустила руку под стол и крепко сжала его бедро, а сама коснулась губами его виска — она очень любила целовать Томаса именно туда. А потом глубоко тянула носом и мурлыкала ему в ухо:

— Там так ярко пахнет тобой...

Томас отставил кружку на столик и едва не задрожал — от сладости воспоминаний, от горечи потери...

В последний раз Мэгги целовала его так, в висок, две недели назад — в тюремной камере. И ее слова по-прежнему звучали в его голове, как католическая молитва: «Когда меня не станет, не позволяй себе утонуть в бездне печали. Пусть надежда вытянет тебя со дна, — та надежда, что всегда вела нас с тобой. Избавься от этой жизни, избавься от всех ее следов... от всех моих следов!»

Сказанное так разъярило его, что отчаянье переплавилось в гнев:

— Замолчи, Мэгги! Закрой рот немедленно! Перестань нести чушь!

— Послушай меня! — кричала она растрескавшимся, иссохшим ртом. — Всякий мой след должен быть уничтожен! Пообещай, что избавишься от всего, — продай, сожги, неважно!

— Ты с ума сошла!

— Нет! Меня страшит мысль о том, что ты можешь оставить какую-то частичку меня, и она будет тянуть тебя в бездну одиночества, что жизнь невинного... твоя жизнь будет запятнана той же грязью, что замарала мою! Поклянись, что исполнишь мою просьбу! Поклянись!

Ее мольбы звучали так горячо, что в этом пламени сгорали любые возражения. И Томас кивнул, коротко и неохотно:

— Я выполняю ее.

Эту клятву, это обещание он принес жене за час до казни.

Он дал слово, что сделает все, о чем она его попросила. Но не знал, как сможет жить дальше без нее, несмотря на все ее уговоры. Но сейчас, по крайней мере, даже этот маленький поступок станет началом исполнения этой просьбы.

Так что Томас встал и, озаряемый светом пламени камина, открыл тот дорожный сундук, в котором прятал нарушение клятвы, данной жене. И под столярными инструментами, под любимыми книгами его пальцы еще прежде глаз отыскивали тонкий дамаст. Бережно и осторожно Томас вытащил

сложенную вещь из изумрудно-зеленого шелка и разложил на коврик перед камином.

Что-то пощекотало его запястье — это оказалась сушеная веточка розмарина. И перед глазами тут же встало очередное воспоминание: в день их свадьбы Мэгги стояла на крыльце церкви Святой Марии в Уффингтоне, в этом самом платье из изумрудного дамасского шелка, и копну ее непослушных темных кудрей украшал венок из плюща и розмарина. В тот день она выглядела как Дева Мария на той картинке, что однажды попалась Томасу в детстве.

Сморгнув выступившие слезы, он поднес дорогую ткань к носу, надеясь уловить хоть капельку любимого запаха, но почувствовал лишь душок прелого войлока и кожи. А затем трогательный момент оборвал глухой стук — что-то упало на ковер. Сдвинув платье в сторону, Томас обнаружил маленькую записную книжку в переплете из красной кожи. Он никогда ее раньше не видел — видимо, все это время она пряталась где-то в складках жениного платья?

Томас провел пальцами по потрепанной обложке, а затем аккуратно подцепил ее большим пальцем. Книжица будто не могла дожждаться, когда же ее наконец откроют, — она приветливо зашелестела, обложка хрустнула, как поленце, догорающее в камине.

8 апреля 1646 года. Мы прибыли в Массачусетс, чтобы начать новую жизнь. Мы обосновались в Чарльзтауне, к северу от Бостона, в устье Мистик-Ривер. Домик вполне неплохой. Мой любимый непременно сделает его еще лучше — с его-то талантом столяра. Где он — там и мой дом. Небеса подарили мне этого человека. Я в этом уверена.

Томас скользил взглядом по строчкам, записанным хорошо знакомыми косыми каракулями. А он ведь и понятия не имел, что супруга записывала события из своей жизни. А ко-

гда видел, как она что-то там черкает пером, полагал, что делает пометки в расходной книге. Томас пролистнул несколько страниц — похоже, Мэгги вела дневник время от времени.

1 июня 1646 года. Сегодня я приготовила бальзам для матушки Уоррен. Она попросила сделать лекарство для ее сына, Лемюзля — тот уже давно мается мокрым кашлем.

Основа: смалец.

Травы: 3 части иссопа, 1 часть розмарина, 1 часть блоховника.

Как Томас и подозревал, в дневнике описывались повседневные дела. Между страницами попадались вложенные бумажки — счета от продаж и покупок, записки с благодарностями от тех, кому Мэгги помогала исцелиться, родить, от страждущих и умиравших. Но, перевернув очередную страницу, он обнаружил, что та исписана с обеих сторон.

Сегодня будем ужинать треской, сготовленной в отваре лука, лаврового листа и тимьяна, и картофелем. И нарежу-ка я еще яблочек, да полью их медом с корицей — порадую своего любимого.

— О да, порадовала... — пробормотал Томас себе под нос. И вспомнил остро-терпкий вкус, цветочную сладость меда и корицу, что ощущалась на языке, как вкус самого Востока, — невероятно дорогую, но стойкую каждого затраченного шиллинга. И Томас ел тогда, как ребенок, дорвавшийся до сладостей, — не зная удержу. А Мэгги смеялась, негромко и счастливо. Вытерла капельку меда с его подбородка загрубевшей подушечкой большого пальца, а потом сунула этот палец в рот и облизнула, причмокнув губами. И Томас усадил ее к себе на колени, запустил руку под юбки, и она охнула. «Коль тебе охота, то и мне охота», — так она всегда го-

ворила, потому что они с Томасом были предназначены друг другу с тех самых пор, как их души сошли с небес в этот мир и смертные тела сделали первый вдох.

Да, они были предназначены друг другу, определенно, — и сейчас Томас держал в руках доказательство, исписанное неровным почерком, облаченное в кожаный переплет. Чистейшее, неоспоримое доказательство их любви. Мэгги была его сокровищем, второй половиной, тем, что придавало смысл его существованию. Его жизнь была неполной до тех пор, пока не явилась Мэгги и не принесла с собой все — мудрость, удовольствие, покой, вдохновение... И теперь все это сгинуло навеки, и Томас чувствовал себя так, будто сорвался с высоты и летит вниз, вниз, вниз, без надежды когда-нибудь достичь земли...

Поначалу он водил пальцами по строчкам машинально, но затем прикосновения превратились в благоговейные погложивания: Томас понял, что этот дневник — или чем там была эта книжица — последний уголок ее души, в который ему еще не доводилось заглянуть.

И неожиданно от этой мысли стало холодно, будто из окна потянуло ледяным сквозняком: а что, если в записях найдется какое-то ужасное откровение, способное разрушить прекрасную картину их жизни? Вдруг в этой безобидной книжечке и в самом деле прячется какая-то темная, злая сила, что накренила целое судно, да еще с грузом? Сердце Томаса лихорадочно забилося. А что, если перед ним — доказательство, что его Мэгги и в самом деле путалась с Сатаной? Что, если на этих страницах — опасные знания, хитроумные заклятия? И не станет ли так, что этот дневник обратит в прах все, что было ему столь дорого?

И от этой мысли в его душе вскипела нешуточная борьба — ледяной страх мешался с теплом любви, удовольствием снова вспомнить, как счастливо они с Мэгги жили...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОМАС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

21 июня 1646 года

...Порадую-ка я своего любимого.

— Возможно, на этот раз ты подарил мне дитяtko, — пробормотала Мэгги, обнимая мужа, и ее горячее дыхание обожгло его вспотевшую шею.

Это уже стало привычкой — говорить нечто подобное после жаркой близости. Поначалу Томас находил это милым; слова наполняли его гордостью и заставляли гадать, какое волшебство, какая алхимия могла произойти, пока они были охвачены страстью. Но с момента их свадьбы прошел не один год, и хотя любовь крепла с каждым днем, но предвкушение чуда — появления на свет их ребенка — все больше перерастало в недостижимую мечту. Впрочем, жене об этом Томас не говорил: какой прок ее расстраивать?

— Да, возможно, — откликнулся он больше по привычке, хотя на самом деле эти слова значили «для меня это не важно». И вовсе не в плохом смысле.

Это и впрямь было для него не важно. Ему и так досталось немало богатств: любимая жена и умелые руки, способные обеспечить им обоим достойное житье. Грех жаловаться и требовать большего.

А шесть недель спустя, когда они лежали вместе в постели, Мэгги взяла Томаса за руку и заставила коснуться ее живота чуть ниже пупка. А потом обернулась — и на губах у нее играла веселая улыбка, а глаза светились от счастья.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АНДРЕА КАТАЛАНО
БОСТОНСКАЯ ВЕДЬМА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 24,50. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®.	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

R-GOT-39860-01-R